

Кан Янь помог дяде Дуаню отпраздновать день рождения, а на следующее утро встал немного поздно — возможно, потому что дома чувствовал себя слишком уютно. Поспешно проснувшись и спустившись вниз, он обнаружил, что дядя всё ещё дома. Взглянув на время, Кан Янь увидел, что уже почти девять. Дядя Дуань обычно уезжает в компанию рано, и, подумав, что тот, возможно, ждёт его, Кан Янь легко сбежал вниз.

— Не спеши, не упади.

— Дядя, ты меня ждёшь? — Кан Янь подбежал, запыхавшись.

Дуань Цифэн мычаньем подтвердил.

— Сначала позавтракай, не торопись. Чуть позже я отвезу тебя в школу.

Кан Янь обрадовался, послушно сел за стол, стал пить молоко и есть хлеб. Проглотив еду, сказал:

— Дядя, ты же опоздаешь.

— Ничего страшного, — ответил Дуань Цифэн, а затем, в хорошем настроении, пошутил:

— Сотрудники компании не посмеют лишить меня премии за посещаемость.

Кан Янь на секунду замер, а затем рассмеялся.

— Дядя, ты хитришь!

— Кушай спокойно, — Дуань Цифэн потрепал мальчика по голове и заодно сказал дворецкому:

— Торт в холодильнике Яньянь купил мне. Вчера у меня был день рождения, осталось ещё много, сегодня все разделите.

Дворецкий по тону голоса хозяина понял, что тот в хорошем настроении, кивнул и с улыбкой сказал:

— Спасибо, господин.

Занятия начинались в десять. В последний момент, поторопившись, они всё же не опоздали.

Добравшись до художественной студии, Кан Янь подумал, что дядя Дуань наверняка опоздает в компанию, и вспомнил про премию за посещаемость. В его глазах мелькнула усмешка — не ожидал, что дядя Дуань тоже может шутить, совсем не строгий.

— Кан Янь, что-то хорошее случилось? — однокурсник, увидев, как Кан Янь сияет от улыбки, отчего его внешность становится ещё привлекательнее, не удержался от любопытства.

— Мой дядя научился шутить, — с лёгкостью поделился Кан Янь.

Однокурсник не ожидал такого простого объяснения, кивнул:

— Значит, раньше твой дядя наверняка был очень серьёзным человеком.

— Практически так, часто хмурился, говорил холодно, но ко мне хорошо относится, во всём меня поддерживает... — Кан Янь разговорился, сам не заметив, как стал

дяденькопоклонником.

Обычно Кан Янь общался с однокурсниками довольно сдержанно, не особенно сближаясь, но и не конфликтуя. Все думали, что с его выдающейся внешностью и одеждой известных брендов, он, должно быть, нелегко сходится с людьми. В конце концов, они пришли в школу учиться, а не подлизываться к богатым наследникам. Но никто не ожидал, что у Кан Яня есть и болтливая, словоохотливая сторона — стоит заговорить о дяде, как он начинает бесконечно его восхвалять.

Но, как ни крути, такой Кан Янь действительно был немного милым.

После окончания занятий однокурсник между делом предложил вместе пойти в столовую поесть, и Кан Янь согласился. В столовой Кан Янь ел лапшу в прозрачном бульоне. Однокурсник, взглянув, подумал, что Кан Янь довольно скромно в еде, даже суп от лапши выпивает дочиста.

— Ты любишь есть лапшу? А я думал, южане любят рис.

— Я южанин, но лапша мне тоже нравится, — ответил Кан Янь.

Сейчас его вкусовые пристрастия тоже сместились в сторону дяди.

Кан Янь учился во второй мастерской, где основное внимание уделялось исследованию применения цветовой природы в современном и современном искусстве. Во второй половине дня у них был урок. Придя туда, он обнаружил, что на его мольберте закреплено розовое письмо. Кан Янь замер. Рядом стоящий однокурсник, взглянув, с пониманием в глазах сказал:

— Любовное письмо? Кто пришёл раньше всех?

— Не знаю, а что? — спросили остальные.

Тот однокурсник сказал:

— На мольберте у Кан Яня закреплено розовое письмо, с первого взгляда ясно — любовное. В наше время ещё есть девушки, которые пишут письма, видно, с чувством стиля.

— Что удивительного, что Кан Яню дарят любовные письма? Даже первоклассница факультета традиционной живописи публично заявила, что добивалась Кан Яня.

— Кан Янь — красавец нашего факультета масляной живописи, в древности его бы сравнивали с Пань Анем и Вэй Цзе.

— Всё нормально, всё нормально. Кан Янь, от кого письмо? Раскрой, посмотрим. Брат, не слабая у тебя удача с девушками, от какого на этот раз факультета? Только не говори, что снова от лучшей в группе или на факультете.

Несколько человек начали подшучивать.

Кан Янь, держа письмо, улыбнулся, но не стал его вскрывать, а убрал. Все, увидев, что зрелища не будет, успокоились. После окончания урока Кан Янь так и не открыл письмо, а взял вещи и вернулся в общежитие. Несколько секунд он смотрел на изящную надпись «Лично Кан Яню», затем решительно положил письмо в ящик стола.

Не выбросил он из опасения, что кто-то другой найдёт и прочтает. В конце концов, это

девушка, и Кан Янь не хотел, чтобы из-за сплетен однокурсников ей причинили неприятности.

Если девушка, написавшая письмо, долго не получит ответа, она поймёт его намёк. Именно так думал Кан Янь.

Ближе к девяти вечера в общежитии было тихо: кто-то читал, кто-то играл в игры. Из-за похолодания Дуань Цифэн запретил Кан Яню выходить вечером звонить, поэтому тот привык переписываться с дядей Дуанем в Вэйбо. Только что закончив переписку, он теперь тихо повторял за английской аудиозаписью. Каждый раз, когда он гулял с дядей, тот говорил по-английски так хорошо, а он чувствовал себя глупцом, ничего не понимая. Даже Сяо Лю был сильнее его.

Кан Янь не хотел быть полным невеждой, рядом с дядей он казался просто деревяшкой. Он тоже хотел стать выдающимся и способным, чтобы помогать дяде.

Каждый в комнате занимался своим делом. Через некоторое время в соседних комнатах начался шум. Сосед, чья кровать была ближе к балкону, услышав звуки, открыл дверь — шум стал громче, послышались слова «признание», «круто», «выходи скорее». Сосед открыл балконное окно, высунулся посмотреть, затем обернулся и взволнованно сказал:

— Внизу кто-то признаётся в любви, розами усыпано, ещё и гитара...

Остальные соседи не усидели на месте, бросились к балкону, крича:

— Вау, нынешние девчонки просто огонь, такие отчаянные, мне нравится!

Затем они слышали, как через громкоговоритель звук пронзил всё мужское общежитие.

— Кан Янь, Кан Янь со второй мастерской факультета масляной живописи, я тебя люблю!

Вся комната замерла, на мгновение воцарилась тишина, зато остальные комнаты взорвались возгласами, криками и именем Кан Яня.

Неудивительно: голос из громкоговорителя был отчётливо мужским, никакой не девушки. Несколько человек на балконе посмотрели на Кан Яня со сложным выражением лиц.

Лицо Кан Яня побелело. Он сидел на стуле, не зная, как реагировать. Внизу громкоговоритель продолжал кричать, раз за разом выклиная его имя, а Кан Янь был смертельно напуган. Он вспомнил, как в техническом информационном колледже Фань Сымин угрожал ему, говоря, что он любит мужчин.

Это оставило в душе Кан Яня травму, при одной мысли об этом ему становилось страшно: боялся, что его отчислят, что это повлияет на учёбу, что он получит выговор от школы, что однокурсники станут относиться к нему как к заразному. Вскоре у него похолодели руки и ноги, будто вся кровь застыла.

— Хлоп!

Кан Янь ошеломлённо посмотрел в ту сторону — это сосед закрыл окно. Раздвижная дверь на балкон тоже закрылась. Звуки снизу ещё доносились, но приглушённо, не так громко. Соседи подошли. Кан Янь не знал, что делать, в голове крутилась только одна мысль: всё кончено, соседи, наверное, брезгуют мной и хотят, чтобы я ушёл.

— Кан Янь, тебе нехорошо? Почему вдруг такой бледный?

— Да, может, тебе к врачу сходить?

Прошло много времени, прежде чем Кан Янь снова обрёл голос, хрипло произнеся:

— Вы... вы не... не против?

Соседи выглядели озадаченными.

— Против чего?

— А, ты про сексуальную ориентацию? Что в этом такого? В нашем институте это тоже довольно известно: из десяти студентов три пары геев, две пары лесбиянок, а двое — одиночки.

— Если есть пара, то это уже счастье, какая разница, мужчина или женщина, вы уж слишком привередливы.

— Именно.

— А? — Кан Янь немного опешил.

Теперь соседи смотрели на него с недоверием.

— Что, Кан Янь, ты гетеро и боишься геев?

— Сексуальная ориентация — личное дело каждого, она ни на кого не влияет, не нужно так бояться, давай не будем дискриминировать.

— Я гей, но в следующем году собираюсь съехать, потерпи ещё немного?

Кан Янь был ещё более ошеломлён. Возможно, его реакция была слишком сильной, и последнему соседу, совершившему каминг-аут, стало немного неприятно. Остальные трое похлопали его по плечу, утешая:

— Брат, Кан Янь, наверное, просто не сразу принял, не принимай близко к сердцу.

— Да-да, мы всё ещё братья.

— Ничего, привык, — сказал совершивший каминг-аут сосед, делая вид, что ему всё равно, но на самом деле ему было немного обидно.

Кан Янь опомнился и торопливо начал объяснять:

— Нет, я не против тебя, я не это имел в виду.

Остальные трое посмотрели на Кан Яня.

Боясь обидеть соседа, Кан Янь честно сказал:

— Мне раньше угрожали, говорили, что если я люблю мужчин, меня отчислят из школы. Я немного боюсь. Мне мужчины не нравятся. Я с таким трудом поступил в наш институт, очень люблю рисовать, просто боюсь, что меня отчислят...

— Из-за этого отчислят?!

Соседи не поверили, а затем сквозь смех и слёзы сказали:

— Наш институт не настолько феодальный. Разве за любовь к мужчине будут топить в проруби?

Другие добавили:

— Не вини Кан Яня, тот, кто ему угрожал, — отвратительный отброс.

Этот человек предположил, что, наверное, это было в школе Кан Яня, а школы более консервативны.

<http://bllate.org/book/15594/1390585>